

18+ Александр Кормашов

20 см

Александр Кормашов
20 см. И другие 20 см

«Издательские решения»

Кормашов А.

20 см. И другие 20 см / А. Кормашов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Тот, кто в детстве переживал за муравья, ползущего по краю воронки, на дне которой сидит муравьиный лев, тот поймёт, насколько беспокойно жить в городе, расположенном по стенкам примерно такой же воронки, на дне которой пылает непонятный огонь. Обе повести, как «20 см», так и «Другие 20 см», входят в ранее публиковавшийся сборник «Комбыгхатор, или Когда люди покинули Землю».

© Кормашов А.

© Издательские решения

Содержание

20 см	6
I	6
II	14
III	17
IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

20 см И другие 20 см

Александр Кормашов

© Александр Кормашов, 2026

ISBN 978-5-0071-4542-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

20 см

I

Заседание Попечительского совета затягивалось до ночи. Глава совета уже думал немного развлечь высокое собрание и начал рассказывать анекдот, но тут раздался телефонный звонок. Схватив трубку, председатель свободной рукой замахал всем присутствующим, объявляя перерыв, мол, сходите куда-нибудь, прогуляйтесь. Все стали выходить.

Через пустую приёмную, в которой по случаю позднего часа уже не было секретарши, Фарн вышел в холл, оттуда прогулялся по тёмному коридору, затем зашёл в студенческий туалет. Он уже мыл над раковиной руки, когда рядом пристроился ещё один муравей. Тот был из новых попечителей, избранных лишь недавно, но уже заимевших в совете немалую силу. Их сила была в их простоте.

— Кажется, в прошлый раз мы толком не познакомились. Меня зовут Гаврон, — сказал муравей и протянул ещё мокрую руку.

Фарн тщательно вытер бумажным полотенцем свою правую, оставив комочек на всякий случай в левой, и тоже протянул руку.

— Фарн.

Рукопожатие вышло влажным, но сильным.

— А кто вы по образованию?

— Познавший жизнь. Хотя по первому — учитель географии и биологии.

— Ну понятно. А я, как вы можете подумать, шахтёр.

Я подумал, усмехнулся про себя Фарн. «Шахтёрами» в народе называли сотрудников ТСС, то бишь Тайной следственной (или, может, сыскной или, снова до кучи, секретной) службы — так по-разному муравьи раскрывали аббревиатуру, соглашаясь лишь в том, что её агенты в последнее время усиленно рыли во всех направлениях.

— А чем сейчас занимаетесь? — последовал новый вопрос «шахтёра».

— Производством дверей и лестниц, — ответил Фарн.

— Лестниц! — выделил голосом Гаврон и чуть поднял указательный палец своей жёсткой красной руки с твёрдыми колючими волосками. — И, конечно, лицензию на производство лифтов вам всё никак не дают?

— Конечно, — ответил Фарн и внимательно посмотрел на этого муравья, нарочито искаженного слово «лицензия». Было произнесено как «лишенсия».

Судя по двусложности имени, Гаврон относился ко второму ген-поколению муравьёв, к более высокой касте, чем Фарн, да и с виду он меньше походил на простую рабочую особь. И всё-таки. Голова у него ещё очень походила на красную недозревшую сливу, косо посаженную на тонкую шею, да и плечи, на которых держался костюм средней ценовой категории, были слишком узки. Однако фасеточные глаза, расположенные по бокам головы, смотрелись уже не таким большими, как у представителей низшей касты, а по форме стремились к тому эталону красоты, который в народе назывался «как у испуганной лошади» — пусть они по-прежнему не имели ни осмысленной глубины, ни более-менее различимых зрачков. Рот у Гаврона тоже был поскромнее, посимпатичнее, с претензией на приобретённое благородство, хотя жвалы пока лишь только стремились к рудиментарности, а вот усики-бровки уже были короткие, что называется, косметически ущемлённые.

Всё это Фарн отметил про себя чисто машинально. Сам он вышел из той среды, где никто не мог произвольно менять облик и функции своего организма, но зато мог гордиться, что

нынешнего своего положения в жизни он добился исключительно сам, своей головой, уж с какой ни появился на свет.

Туалет они покинули вместе, на ходу перекинулись ещё парой фраз, а потом уже Фарн не сумел отказать Гаврону в его желании вместе покурить. В коридоре они открыли окно, то, чья рама наиболее легко поддалась, и уселись на подоконнике.

Гаврон тотчас вспомнил какую-то историю из студенчества и пустился в долгое нудное описательство, Фарн вежливо реагировал. Вдруг сверху раздались стуки, они приближались, то гулкие по железу, то глухие, шмяк-шмяк — по бетону. Стуки становились всё громче, и вскоре мимо пролетело тело какого-то муравья. Бедняга размахивал всеми конечностями, как будто был ещё жив. Может, и.

Курящие на миг отвлеклись, и Гаврон на пару секунд замолчал. Но оба не посмотрели ни вверх, откуда прилетел муравей (да это было и невозможно, потому что сверху окно прикрывалось специальным козырьком — вот именно из-за таких случаев, чтобы тело случайно не повредило окно). Не посмотрели они и вниз, куда летел муравей, продолжая стучать по навесам и козырькам, хотя вниз смотреть было проще — взгляд скользил, как с горы, а вернее, по склону гигантской расцвеченной вечерними огнями воронки, на дне которой клубился красный туман и куда несчастный муравей всё падал и падал, подскакивая и крутясь.

Похороны наконец закончились.

Прервав свой поток воспоминаний, Гаврон неожиданно спросил:

— А как вы объясняете это детям?

— Что?

— У вас есть дети?

— Да.

— И как вы объясняете детям, почему Земля круглая?

— Вы про анекдот? — Фарн не сразу понял, что его спрашивают про тот анекдот, который глава Попечительского совета уже начал рассказывать, но его прервал телефонный звонок.

— Да. Старик вроде начинал интересно.

Фарн заставил себя улыбнуться. Когда-то он был учителем в школе и ещё в молодости установил для себя, что все, даже самые сложные вопросы обязаны сводиться к самым простым, детским, типа: что? как? почему? — очень лёгким и скачущим, словно мячики, и надо лишь незаметно к этим трём подкинуть ещё один, свой, четвёртый — зачем? Да, зачем. Зачем Земля круглая?

Гаврон этого вопроса не задал, в Фарн не счёл нужным отвечать сразу. Он взял свой окурок в щепотку и аккуратно, короткими тонкими плевками профессионала заплёвал огонь. И лишь потом выбросил свой окурок в окно. Гаврон же выбросил свой горящим. Красная искорка подскочила на какой-то неровности под окном и попала в расщелину стены, где ещё долго гасла. Оба зачем-то посмотрели туда, немного высунувшись наружу, потом посмотрели друг на друга, потом подняли головы вверх. Козырёк над окном отсекал половину небосклона, и ночное небо над верхним краем воронки имело чёткую форму полкруга. Там не было звезд, там не было ничего, только гладкая тёмно-синяя крышка ночи, теперь всё заметнее контрастировавшая с красным сполохами на дне воронки.

— Вы хотите спросить, как я объясняю детям, почему земля круглая? — повторил Фарн.

— Именно, — подтвердил «шахтёр», глядя собеседнику прямо в глаза.

Фарн любил детей-почемучек. Не любил только тех, которые специально придумывают вопросы, но потом вовсе не слушают ответ, а поспешно придумывают своё следующее «почему». Однако сейчас его спрашивали с явной целью услышать.

— Хорошо, — сказал он. — Я им говорю так. Сначала Земля была плоской. То есть сначала все считали, что она плоская, как блин. Но потом стали говорить, что Земля круглая, как шар. А затем учёные всех переубедили, что на самом-то деле она имеет форму тора, бублика,

пончика, и с этим тоже никто не спорил. А вот теперь мы всё якобы чётко видим, что она имеет форму воронки, то есть перевёрнутого конуса. Кто тут прав? — Фарн выдержал подобающую паузу. — А прав тот, кто считает, что все эти утверждения чисто временные. В смысле, какое время — такие и утверждения. Впрочем, взгляните сами, — и он учительским жестом очертил пространство за окном. — Разве Земля вам кажется квадратной или треугольной?

Гаврон засмеялся. Смех его был сдержанным, глуховатым, но при этом в его плоских фасеточных глазах промелькнуло несколько живых искорок, словно передразнивающих огни города.

— Треугольной она мне немного кажется, — сказал он, и тогда засмеялись оба.

В кабинет ректора они вернулись почти друзьями.

Попечительский совет решал вопрос денег. Глава совета, престарелый Диметрион, бывший министр производства продовольствия, относился к четвёртому ген-поколению муравьёв, к их высшей касте, отчего и походил на людей в высшей степени. Он был наглядный пример того, что человекопоклонничество — не пустой звук. Эта религия будет вечной. Потому что именно люди и создали красных муравьёв. Создали их по своему образу и подобию. Во всяком случае, они старались. Возможно, не у всех эти акты творения удались. Возможно, не все имели к этому призвание или просто не все оказались достаточно образованными людьми. Из-за этого муравьи впоследствии разделились на касты. Хотя, в принципе, это мало что меняло. Потому что людей-творцов было слишком много, и свой вклад вносил почти каждый. Зато вместе они сотворили не только самих муравьёв, но и каждый предмет их муравьиного мира. Буквально каждый, какой бы ни взять — ложку, вилку, стул, авторучку, дверь, лифт, дорогу, машину, бензин, электричество, интернет, сам воздух, воду, еду, все овощи и все фрукты и, вообще, всё. Всё это, взятое по отдельности, было кем-то специально придумано, продумано, а затем скрупулёзно воплощено. Так что, в принципе, каждая вещь имела своего творца, демидурга, которого, чисто по-людски, следовало почитать и благодарить, и молитвенно просить о продлении дарованных им благ. Молиться всем предлагалось в огромном и светлом Храме всех людей, где, куда, согласно неписаному закону, каждый из живущих муравьёв был обязан хотя бы раз в жизни заглянуть и поблагодарить. И многие туда действительно ходили. Остальным же хватало общения с людьми через использование их предметов в быту, в жизни.

Когда Фарн и Гаврон вернулись в кабинет ректора (сам он тоже присутствовал, но старался ничем не выделяться на фоне остальных) глава Попечительского совета уже заканчивал свой доклад, о чём был телефонный звонок. И от кого тоже. От кого! Диметрион то и дело выворачивал голову назад и вверх. На стене висел электронный портрет президента Мирмиколена. Звонок был из его администрации.

Из всех обитателей города только Президент мог считаться представителем пятой, венчающей все акты творения, касты муравьёв. Мирмиколон им и был. Он единственный имел облик совершенного человека. Президент, во-первых, был лыс. То есть не имел на голове никаких острых и твёрдых волосков. Он также был почти бел. Пусть не бел, но розов лицом. Его крошечные глазки располагались скорее спереди, чем с боков. Наконец, его подбородок, и без того слабо выраженный, как у всех муравьёв, здесь почти полностью отсутствовал. Ракурс портрета был таков, что президент смотрел на своё население как бы исподлобья, демонстрируя, прежде всего, свой яркий и сияющий, словно солнце, лоб.

Этот лоб, собственно, и был единственное муравьиное солнце — как вторая ипостась Мирмиколена. Первая была много проще, потому что напрямую происходила из его имени. Муравьиный Лев — так его имя переводилось на язык красных муравьёв.

Деньги нашлись. Деньги выделили. Звонок из Администрации Президента именно о том и был. После множества обращений и петиций АП наконец-то согласилась на очередной транш, и теперь университет, мог безбедно просуществовать ещё пару лет.

Напряжение у членов совета резко спало, все задвигались, заулыбались, кто-то встал и принялся прохаживаться по комнате, кто-то начал искать взглядом ректора. Ректор лично прикатил откуда-то сразу два сервировочных столика, толкая один своей правой, другой — левой рукой, но у левого было плохо с колесом, так что ректору приходилось подбадривать его колесом. Оба столика были плотно заставлены бутылками и закусками.

Фарн и Гаврон покинули расположение университета за полночь и навеселе. Резкий холодный ветер настиг их в университетском сквере. Сразу захотелось вернуться в здание, хотя в городе никаких зданий по сути не существовало. Только фасады. Только одни фасады по склонам обитаемой воронки. Все офисы, конторы, учреждения, общественные заведения и жилые дома располагались в вырытых пещерах, и лишь некоторые парки, скверы, площади и некоторые дороги имели открытый вид на природу. Все остальные места поражали обилием навесов, козырьков, галерей, закрытых террас, теневых парусов и даже скошенных портиков.

Старый университетский сквер был открыт всем ветрам, однако какой-то ветер пронизывал до костей. Это так говорится. Оба муравья, разумеется, понимали, что скелета в их теле нет, что заменой костям служит их собственная кожа, хитиновая оболочка, ну, сейчас немного пупырчатая, зато наполненная алкоголем, что в какой-то мере опять приближало к человеческому, слишком человеческому. От холода Фарн сразу вспомнил про свою машину, оставленную на подземной парковке, только Гаврон об этом уже подумал. Он сказал, что им сейчас никак невозможно за руль, и он вызовет такси, и он вызвал по телефону такси.

— Где вы живёте? — спросил Гаврон, когда они сели.

Фарн не хотел признаваться, но Гаврон как будто всё продумал заранее и сам назвал таксисту нужный адрес. Стало спокойно.

Дорога по серпантину шла вниз. Нижний ярус жилых кварталов, исторически называвшийся Спальный пояс, располагался почти в самом низу воронки, в той его самой узкой и последней обитаемой части, где ночами по стенам бегают багровые отсветы и порой пахнет серой. Детям объясняли, что это из-за нефтеперерабатывающего завода, на котором удаляют из нефти лишнюю серу, но иногда случаются выбросы.

— ... Так вы читали? — услышал Фарн, потому что Гаврон внезапно замолчал. Он постоянно о чём-то говорил, а тут, видимо, задал вопрос.

— Что? — переспросил Фарн. Его голова становилась всё более тяжёлой, и он очень хотел, чтобы все помолчали, включая таксиста, который, похоже, и затеял дискуссию.

— Вы читали «Последнюю оптическую иллюзию»? — повторил Гаврон, повернувшись к своему спутнику. Глаза у «шахтёра» блестели, как отполированный пластик.

Фарн немного напрягся.

— А разве она запрещена?

— Нет.

— Не рекомендована?

— Нет.

— Ну тогда...

— Допустим.

— Читал, — нехотя сознался Фарн. Ему резко захотелось спать, и он всеми ладонями и локтями начал протирать свои большие фасеточные глаза по обеим сторонам головы. Обычно такое помогало.

Какие к чёрту иллюзии!

В этой книге не было ничего криминального, абсолютно ничего подрывающего основы. В ней даже не описывалось, а лишь только предполагалось, что их миру, миру красных муравьёв, их большой воронке в земле, наверху противопоставлена такая же большая гора. Она тоже имеет форму конуса, но уже нормального конуса, никак не перевёрнутого. И на этой горе вот тоже — как интересно! — живут муравьи. Только чёрные муравьи. Ну, живут себе и живут.

Лишь не могут спуститься вниз. Напротив, под конец жизни каждый чёрный муравей должен ползти по горе вверх. Для этого ему сначала надо преодолеть пояс снега, потом ледников, потом идут голые отвесные скалы. А на самой верхней скале сидит их Муравьиный Орёл, он зовётся Аквилолеон, и он просто склёвывает подобравшегося к нему муравья. Вообще-то, вся книга, конечно, чистая фантастика, некогда даже очень популярная, но потом он ней все забыли.

Правда, говорят, что из книги удалена последняя глава, в которой говорится, что все чёрные муравьи заражены каким-то грибом. Именно он заставляет их подниматься всё выше и выше и скармливать себя Муравьиному Орлу. Ибо в том-то и заключена великая тайна перерождения всего живого. Потому что в желудке Муравьиного Орла все тупые чёрные муравьи превращаются в благородных красных и уж оттуда... Но этой части никто не видел и не читал.

Хотя таксист, конечно, и видел, и читал. Но таковы все таксисты.

Жены дома не было. Фарн-а работала акушеркой в роддоме, сутки через трое, и сегодня как раз была её смена. Дочь спала. На всякий случай, Фарн заглянул и в комнату сына, но там было пусто. Сын теперь жил отдельно. Отделился. Вместе со своей новой подругой, весьма продвинутой особью, он снимал квартиру поблизости. Рядом, в том же квартале.

Сзади слышалось шебуршание.

Фарн скривился, оттого что Гаврон припёрся за ним следом, навязался к нему в гости, но стряхнуть с себя прилипчивого приятеля почему-то никак не получалось. Тот словно выделял вокруг себя какую-то сладковатость, происходящую, вероятно, от наделённости той долей власти, которой, по-видимому, обладают все сотрудники тайных спецслужб. Власть эту он уже успел продемонстрировать. В подъезде перегорела одна из лампочек, и в том углу, где висели почтовые ящики, скопилась полутьма. В руке Гаврона внезапно появился фонарик, и он внимательно осмотрел все почтовые ящики, возможно, на предмет, не торчат ли из них какие-нибудь неположенные листовки. Можно было не сомневаться, что в месте сочленения его зад-неспинки с брюшком легко нашёл-ся бы и пистолет тоже.

— В юности вы состояли в дискуссионном клубе «Двадцать сантиметров», ведь так? — спросил гость, когда они сели пить кофе.

— Я больше не интересуюсь политикой, — сухо ответил Фарн и не удержался: — А что?

— И часто вы там бываете?

— Иногда. Там сейчас пивбар. Пивнушка. Пивняк. А я просто люблю пиво...

— И... — уловил незавершённость интонации Гаврон.

— Без «и». Просто пиво.

— Или просто «двадцать сантиметров».

— Да. А что тут такого? Когда-то нас учили, что муравьи видят мир только на двадцать сантиметров, — он сухо усмехнулся, — вот только бы узнать, сколько один человеческий сантиметр составляет.

— Вы пытались, — то ли спросил, то ли просто констатировал Гаврон.

Фарн молчал. Гаврон тоже молча сделал глоток кофе, потом облизнул своей правой мандибулой верхнюю губу и переменил тему.

— Ваш сын... — сказал гость. — Ваш первый сын, — голосом подчеркнул он, — он ведь тоже учился в училище транспорта, так?

Фарн медленно кивнул. Первый сын умер. Но об этом не принято было говорить. Даже официальная версия его смерти избегала упоминать об участии в некоем студенческом заговоре, а в семье эта тема была вообще табуирована. «Да! В училище транспорта. Тоже! — хотелось выкрикнуть Фарну. — И что?»

Впрочем, при случае, он мог бы даже развить эту тему. Он давно добивался, чтобы хотя бы второй его сын, второй и теперь единственный, поступил в университет знаний. Просто знаний. Не в училище транспорта, геологии или сельхоз. Для этого Фарн уже много лет состоял членом Попечительского совета их единственного университета, перечислял в его фонд нема-

лые деньги, очень немалые для его фирмы деньги, и тоже очень расстроился, когда и второго сына не удалось туда протолкнуть. Но теперь, он надеялся, что добьётся, чтобы туда поступила дочь. Квота для низших каст была очень маленькой, но счастливые случаи бывали.

Гость опять что-то говорил. Станным образом он коснулся темы диссертации, которую недавно защитил сын. Фарн напрягся. Что-то в голосе гостя изменилось.

— Вы знаете, чем он занимается?

— Да-да, я знаю, — быстро ответил Фарн, спеша показать, что он полностью в курсе жизни сына и что в его деятельности ничего противозаконного нет. — Он занимается темой сгущения горной породы. С тем, чтобы создавать такие проходческие щиты, которые будут двигаться под землёй очень быстро.

— Как дождевые черви? — подобрал ожидаемое сравнение гость.

— Да, но принцип другой, — Фарн даже обрадовался, что ему удалось переключить тему. — В отличие от червей, грунт в машине сначала сильно уплотняется. Очень сильно, в десятки раз по объёму, это происходит в передней части агрегата, и затем, в таком сжатом виде, он, то есть грунт, он проходит по центральному стволу всего проходческого щита, словно по кишечнику, а на выходе снова разуплотняется и занимает своё прежнее место. В принципе, после этого в горной породе даже дырки не должно оставаться. Понимаете?

— Да-да-да, — закивал Гаврон, тоже будто обрадовавшись теме. — Я видел в новостях. Проходческие щиты, которые не оставляют за собой никакого прохода. Парадокс. Правда, говорят, на Земле для такой силы сжатия надо воспроизвести плотность нейтронной звезды. Или даже чёрной дыры. Так что, как ни крути, а без какой-нибудь дырки вам всё же не обойтись! — Гаврон отрывисто хохотнул, а потом вдруг понизил голос и пригнулся к столу, словно боясь, что его подслушают. — Однако наверху, — он кивнул на потолок, — возникают опасения. — После этого он выдержал долгую паузу, чтобы Фарн мог спросить «какие», но хозяин молчал. Гость распрямился и откинулся на спинку стула.

— Вы хотели мне что-то сказать.

— Я? — удивился Фарн. Он ничего не собирался говорить.

— Вам не очень понравилось, когда я пошутил про плотность чёрной дыры. Вы подумали, а откуда ваш сын возьмёт такое количество энергии, разве нет?

— Да нет.

— И всё-таки.

— Я не знаю, откуда он может взять такое количество энергии, — сказал Фарн и тут же испытал стыд, что таким построением фразы он как будто нечаянно предал сына, отстранился от него перед лицом чужого человека. Надо было сказать обезличенно или использовать местоимение «они».

— Вы же были учителем физики...

— Нет. Географии и биологии. Хотите, я заварю ещё кофе? Или, может, чай? — спросил Фарн, вставая.

— Нет. Присядьте. Присядьте, — настоял Гаврон. — Вы когда-нибудь спрашивали себя, куда, например, девается вся эта земля, вынутая из наших пещер? А это десятки, сотни, тысячи, миллионы кубов. Куда?

— Я не знаю.

— И все не знают. Но при этом все думают, что она каким-то чудесным образом выбрасывается наружу.

— Я не знаю. Я просто делаю двери и лестницы. Железо и дерево. Гарнитура, фурнитура, крепёж...

— А потом появляются книги, подобные «Последней оптической иллюзии» с её нелепыми бреднями о горе чёрных муравьев. Ваш сын когда-нибудь произносил при вас слово «террикон»?

— Нет, мой сын при мне никаких таких слов не произносил, — твёрдо ответил Фарн и спокойно выдержал долгий взгляд «шахтёра».

— Вы мне нравитесь, — резко изменил интонацию гость и начал собираться. — Но, возможно, вам стоит внимательнее приглядеться к окружению вашего сына.

— Он взрослый муравей. А в чём дело? Вы знаете, где он сейчас?

— С ним всё в порядке, а мне уже пора. Проводите меня.

Гость вызвал такси. На лифте они спускались молча, а когда выходили, в подъезде им встретилась соседка, очень весёлая разбитная муравыха с каким-то своим приятелем, который старался её поддерживать, но только из расчёта на взаимность. При виде Гаврона, субъекта явно не местного разлива, соседка на мгновение растерялась, потом ойкнула и принялась откровенно заигрывать. Гаврон ей что-то ответить, соседка громко расхохоталась и стукнула его по плечу. Как-никак плечо у «шахтёра» было всё же шире, чем у её друга.

Такси пришлось ждать долго. Они стояли в подъезде, укрываясь от холодного ветра, и смотрели сквозь стеклянную стену, как на нижней поверхности подъездного козырька играют красные сполохи. Ночью те играли особенно оживлённо, словно это именно их раздували подземные вентиляторы.

Сын неожиданно приехал утром и, мало того, на отцовской машине. Фарн даже не спрашивал, как это вышло и кто именно его надоумил забрать оставленную на университетской парковке машину. Всё как-то понималось без слов.

Фарн-а приехала с работы уже после девяти, она добиралась домой на общественном транспорте. Муж сразу понял, что у неё тоже была необычная ночь.

— Ты дозвонился до него? — спросила она, едва переступив порог. — Почему он не отвечал по телефону?

— Он уже здесь. Спит в своей комнате. Раздевайся и садись завтракать.

К этому времени их дочь уже встала и ушла в школу. Завтракали они вдвоём. Фарну несколько раз звонили с его фирмы, спрашивали, когда он может прийти и подписать платёжные документы. Он сказал, что после обеда.

Разговаривали они долго, ещё и после того, как жена пошла в спальню и стала приготавливаться ко сну. Но ни к чему конкретному они не пришли. Сам же Фарн вновь и вновь прокручивал в голове мысль, что власти, по-видимому, опасаются разработки их сына. Теперь не только самой идеи, ранее чисто фантастической, но и предлагаемой технологии, позволяющей передвигаться под землёй очень быстро и без следа. В любом направлении.

— Понимаешь, меня всегда это беспокоило. Мы живём в земле, — продолжал Фарн вслух. — Фактически мы живём в земле. Всё наше окружающее пространство, помимо самой воронки, это всё земля, земля и земля. Не зря так и названа. Помнишь, мы смотрели сериал, где одну планету назвали Яблоком, помнишь? Ты спишь?

Фарн-а засыпала.

— Потом, в какой-то момент, это яблоко вдруг разрезали. На две отдельные половины, две отдельные планеты. На две полу-Земли. Одну для синих муравьёв, другую — для зелёных...

Фарн-а стала похрапывать.

— Фарн-а, не спи! — потряс её за плечо Фарн. — Я должен тебя о чём-то спросить.

— Мм?

— Они тебя спрашивали о дочери? Как-нибудь упоминали? Пусть даже мельком.

Фарн-а резко очнулась.

— Да-а. Они спрашивали, как она учится в школе. Я сказала, что хорошо, отличница.

— А ты сама с ней в последнее время о чём-нибудь говорила?

— Мы всегда говорим.

— О чём-нибудь о таком?

— Нет. Но она сама...

— Ну!

— Девочки в школе возмущались, что мы все гамэргаты.

II

Клиника неврозов располагалась в пещере с искусственным небом. В сущности, это была просторная каверна почти идеально сферической формы. В самой нижней части был разбит сад и плескалось мелкое озеро, так что нижний корпус больницы частично стоял на сваях, в верхней — освещение создавали два подвижных светильника, один жёлтого света, с мощной лампой накаливания, другой — голубоватый, холодный, люминесцентный, но тоже шарообразный. Сложную систему кабелей и подвесов иногда заедало, и тогда жёлтому светильнику становилось неинтересно уходить на ночь, и он всячески мешал синему. Иногда они оба так причудливо сцеплялись, что висели на небе по несколько дней, пока вызванные электрики устраняли неисправность. Главный врач клиники доктор Андреслион сломал голову, чтобы объяснить пациентам, что тут вообще происходит.

Контингент, в основном, у него был очень непростой, образованный и любивший дискутировать. Библиотека клиники никогда не бывала пуста, кинозал тоже. Всё это увеличивало и без того высокую набожность пациентов, хотя доктор Андреслион умел вовремя купировать эксцессы. Он был сторонником радикальных методов лечения нервных расстройств и всю жизнь отстаивал метод «клин клином». Ради лечения своих подопечных он даже добился того, чтобы власти проделали отдельный проход в соседнюю каверну, где располагался Храм всех людей, и вот там, в этом храме, наиболее сложные больные проводили по несколько часов кряду, обычно сразу после ужина и до двенадцати часов ночи, а потом возвращались умиротворённые. Лишь одна пациентка возвращалась ещё более возбуждённая.

— Танцует? — спрашивал доктор, просматривая последние записи в медкарте. Для этого он пригласил в кабинет её лечащего врача.

— Танцует, — ответил лечащий врач. — Вчера ночью вот опять.

— Снова на стене?

— На стене. Откровенный стриптиз. Ярко выраженный сексуальный подтекст. Бюстгальтер со стразами, эротическая комбинация, чёрные сетчатые чулки, две пары туфель на высоких каблуках...

— И как она только не сверзится на этих каблуках! — крикнул доктор.

— Держится, — сказал врач.

— Надо что-то решать. Как вы думаете, может, пора созывать консилиум?

— Я бы ещё понаблюдал, — сказал лечащий врач. — Динамика симптомов всё же оставляет надежду. И потом...

— Что?

— Всё же надо учитывать, что больная — тринадцатый ребёнок в семье и двенадцатая девочка подряд. В их касте девочки не должны так часто рождаться.

— Ну-у, — доктор тяжело вздохнул, выпустив из себя воздух. — Редко, но бывает. А что остальные дети?

— Без выраженных симптомов, а вот их старший и единственный брат проходил у нас углублённое обследование на предмет вегето-сосудистой дистонии. По результатам обследования было не рекомендовано заниматься тяжёлой атлетикой.

— И?

— Он стал шахматистом.

— И?

— Он умер.

— Куда вы клоните?

— Покушался на жизнь Мирмиколеона. Участвовал в студенческом заговоре.

— Н-да. Значит, был из тех?

— Да. Семья стоит на учёте, но, кроме нашего случая, никаких других отклонений не выявлено.

— Печально.

— Что печально?

— Всё печально, как видишь.

Когда лечащий врач ушёл, доктор Андреион достал из кармана баночку с полосатыми желатиновыми капсулами. Положив одну в рот, он как бы с неудовольствием отменил, что та совершенно прилипла к его языку, и попробовал её стряхнуть. Он тряс головой так и эдак, мотал языком во все стороны и одновременно всем телом совершал весьма странные скачкообразные движения, никак не приличествующие уважаемому доктору. Извинить его могла бы, наверное, лишь пчела, вонзившая в язык старика жало и никак желавшая без своего жала улетать. Наконец, он устал и налил из графина воды. Вредной пчеле предстояло утонуть, а потом и раствориться в желудочном соке. Капсула, наконец, отклеилась, смылась в горло, и доктор с удовлетворением крякнул. Через несколько секунд жизнь вернулась в привычное русло.

Весь сотрудники клиники хорошо знали, что их главный врач не принимает лекарств, никаких лекарств, и что всё его пилюли плацебо, и что в капсулах простой мел, пусть даже не простой, а очищенный, и что в графине находится не вода, а обыкновенная водка, правда, тоже очищенная, дополнительно. Единственное, что главврач ещё помнил из фармакопеи — это пятьдесят грамм или двести таблеток активированного угля на литр.

Палн-а-12д танцевала на стене из чувства эйфории. После посещения Храма всех людей она всегда испытывала ощущение полёта, невесомости. Это ощущение всё длилось и длилось. Да и потом она ещё долго не засыпала, хотя ей давали целую пригоршню разноцветных пилюль и вежливо предлагали проглотить. Она лежала и вновь переживала то чувство, будто у неё за спиной отросли лёгкие прозрачные и шуршащие, и невидимые для других крылья и она летит. Другие идут, а она летит.

Храм всех людей тоже находился в большой и просторной каверне, но не сферической, а сильно вытянутой вверх, которую геологи ещё называли «жеода», что, как ни странно, переводится «подобная земле». А вот земли-то как раз там и не было. Все стенки жеоды были выложены чистейшими фиолетово-розовыми кристаллами аметиста. Благодаря подсветке, миллионы их граней калейдоскопично светились, искрились и создавали пространство совершенной невесомости, бесконечной оторванности от земли.

Но это была иллюзия.

В центре храма находилось алтарное помещение в виде куба, куда, как считалось, могут заходить лишь служители культа, а вот прямо из куба вырастала ритуально-молельная конструкция, чем-то напоминающая сдвоенную спираль ДНК. Две винтовые лестницы в любом случае отсылали именно к этому сравнению. И при этом они вились в воздухе вокруг многогранного столба, как и сами они, доходящего почти до самого купола. Это был Столп Творцов, предмет гордости и почитания всех красных муравьёв. Все грани этого столпа были полностью покрыты миллионами и миллионами фасеток, электронных матриц, каждый пиксель которой отображал чьё-то конкретное человеческое лицо, и подсчёту эти лица не поддавались. Ибо не было в мире человека, когда-либо жившего на Земле и каким-либо образом причастного к сотворению мира красных муравьёв, пусть даже лишь к созданию их одежды, изобретению умного механизма, рисованию новой буквы или написанию малой части какого-нибудь программно-кода, чтобы он не был здесь увековечен. Увековечены были даже те, кто готовил этому человеку еду, строил дом, играл с ним в карты, воспитывал детей или улыбнулся утром в общественном транспорте.

Палн-а-12д, как замороженная, смотрела на все эти лица, на вселенную этих лиц и, хотя достоверно не различала ни одного, понимала, что это именно они, все они, совокупно, под-

нимают её наверх и возносят куда-то ввысь, учат, собственно, летать. Пусть для этого ей, как и всем, нужно было сначала подняться по лестнице в виде двойной спирали ДНК.

Собственно, подниматься муравьям приходилось лишь по одной спирали, спускаться по другой, главное же было осуществить переход между ними. Этот переход совершался лишь в одном единственном месте, уже на самом верху, практически под куполом. Переходили по стеклянному, совершенно прозрачному и невидимому для глаз мостику. Многие муравьи застывали, видя перед собой пропасть. Некоторые требовали включить хоть какую-нибудь подсветку, чтобы мостик стал виден. Кто-то был подготовлен и заранее брал с собой поляризованные очки. Только даже в очках и с включённой подсветкой совершить требуемый переход «по воздуху яко по стеклу» решались не все. Иные предпочитали оставаться на месте и от страха умереть, ибо заповедано: «да никто не спустится по той лестнице вниз, которая идёт наверх, аминь». Тела таких бедняг по окончании службы выносили из храма, складировали на террасе у входа, а потом ночью сбрасывали на дно воронки. Но большинство, конечно, набирались мужества и совершали свой главный переход. Ибо велика была вера в людей. И чем сильнее была вера, тем проще давался переход.

У Палн-ы-12д была собственная вера. Она больше верила в свои прозрачные невидимые крылья, те, что переносили её через пропасть, не позволяя ни пяточкой, ни носочком коснуться стеклянного перекрытия. Лишь поэтому для неё до сих пор оставалось загадкой, есть там мостик в действительности или его нет. Другим муравьям сама сила тяжести подсказывала, что он есть, а ей было даже сложно понять, о чём идёт речь. Глупа та подсказка, которую не к чему приложить.

В клинике также все хорошо знали, что главврач страдает бессонницей. В ночные часы пилюли к его языку прилипали особенно крепко, и требовался не один графин, чтобы их проглотить. Ночью доктор Андрелион частенько бродил по коридорам больницы, будил заснувших на посту медсестёр, заглядывал в палаты к больным и подолгу стоял то над одним, то над другим пациентом — пока снова не зачесется язык.

В палате Палн-ы-12д он произвёл небольшой обыск, однако не нашёл ни бюстгальтера со стразами, ни эротической комбинации, ни сетчатых чулок, ни двух пар туфель на высоких каблуках. Задумчиво постояв, он снял листок назначений, приколотый к спинке койки, и внимательно его прочитал. Подпись лечащего врача в последнее время становилась всё более нервной и дёрганной. Надо было уже что-то делать. Ладно. На следующей неделе он пошлёт этого лечащего врача в Храм всех людей сопровождать очередную группу больных, и, если врач не вернётся, его место займёт новый ординатор.

Сам доктор Андрелион в Храм всех людей никогда не ходил. Он не был религиозен.

III

Фарн тоже не любил, когда кто-нибудь умирал. Но бар-клуб «20 см» был тем местом, где смерть друзей неизбежно превращалась в аттракцион. Часто кто-нибудь умирал лишь затем, чтобы потом заявиться на собственные поминки с выражением: «Опа, а я жив!» Это уже стало игрой, тем не менее, если всех звали на поминки, то и приходили практически все, ну хотя бы в надежде, что умерший старый хрыч на этот раз не заявится живым. Но однажды не появился лишь Будн, и тогда все горько смеялись, что своим светлым пятном на лбу он до жути похож на нового Мирмиколеона.

Первое ген-поколение красных муравьёв ещё умело отдыхать. Они пили жёлтое фруктовое пиво, первый искусственный нектар, изобретённый самими муравьям, а не людьми, они конкретно общались и конкретно презирали всех тех, кто пользовался гаджетами, иногда несильно дрались, но это когда сильно напивались, впрочем, врождённое соперничество проявлялось, скорее, в характере некоторых друзей, а не в стиле общения.

Сам пивбар в последнее время сильно одряхлел. Его зашарканный пол, обшарпанные стены и покривившиеся двери на кухню ещё помнили те лучшие времена, когда посетители дискутировали без пива или с малым его количеством. В целом, кроме количества, тут мало что изменилось — всё та же барная стойка, дюжина столиков, бильярд и всё та же открытая терраса с видом на огни НПЗ, где кому-нибудь обязательно приспичивало делать шашлык, а потом устраивать пожар.

В тот вечер все собрались, чтобы помянуть старого чёрта Черна, которого где-то наверху наконец выбросили из окна, да и заодно посмотреть, насколько он жив, курилка. Такие типы, как он, это про себя знали все, очень редко умирают по-настоящему. Хотя, разумеется, всякое бывало. Могло быть, что он тоже однажды не возвратится. Правда, Черн был настолько цепок и так ловко цеплялся всеми своими конечностями и мандибулами за жизнь, что уже плохо верилось, что однажды он пойдёт на корм нефтеперерабатывающему заводу. «Для таких и крематорий бассейн» — так тоже принято было говорить. И, тем не менее, владелец цветочного магазина, узкоглазый (овальноглазый) Цинн, сам лично видел, как толстяк пролетел вниз, снося своей тушей козырёк над витриной с цветами. Черн разгромил всё и ниже, потому что ниже находилась кальянная и оттуда повалил опиумный дым. Цинн, собственно, не возражал против дыма, потому что он сам, на паях, владел той кальянной под магазином и тайком окуривал свои цветы наверху. В магазине даже имелась специальная труба из нижнего помещения в верхнее, но она служила лишь против цветочной гнили, только.

В тот вечер старого чёрта заждались. Все были уверены, что Черн обязательно придёт, но он долго не приходил, так что многие уже сильно заколебались. Пивной нектар всегда был довольно крепок, правда, особи первого ген-поколения были тоже крепки. Один хромой Тимн совсем не держался на ногах. Его насильно усадили за другой столик, к Ленну и Цезну, игравшим в шахматы, но и оттуда Тимн по-недоброму косился на Чигна, всегда, как ему казалось, издевательски уступавшему ему в нарды, ну, просто как инвалиду.

Приязнь-неприязнь в их компании было дело обычное. Сталн очень уважал Грозна, но и сильно критиковал его за неводержанность в быту и распутство. Тот же этим словно гордился и ещё оспаривал такие лавры у Герна.

Бисн в тайне завидовал Напну, превосходному бильярдисту, и оба стремились подражать Макну, профессионалу снукера.

Очень дружили Черн и Рузн. Вместе держались Карн и Гитн. К ним порой прибывался Лютн, но потом опять убегал язвительно покусывать Пална, который всё это время безуспешно вызвать на дискуссию то Магна, то Кофна. Те не отвечали. Магн отрешённо перебирал чётки, а двуволосинобородный Кофн упоённо читал книги своей молодости. За таким чтением он

снова и снова погружался в те далёкие времена, когда в этом помещении заседал знаменитый дискуссионный клуб и гремели великие баталии. Как ума, так и воли. Спорящие постоянно приносили на подкрепу своим аргументам различные книги и в итоге создали небольшую библиотеку.

Фарн не держался особняком, но и тесную компанию ни с кем не водил. По старой дружбе, он пил и играл только с двумя муравьями, Цезном и Солном. Первый был помладше его, второй — чуть постарше, но когда-то они вместе мутили непростой бизнес, вместе ездили на рыбалку, играли в преферанс, да и теперь любили расписать пулю на троих. Фарн всегда ловил тот момент, когда Цезн продует Ленну в шахматы и, сердитый, придёт на их карточный столик, где, они, Фарн и Солн, тупо резались в очко, но при виде третьего тотчас брали свежую колоду.

— Раз, — сразу говорил один из них.

— Два! — тотчас выкрикивал другой.

— Играй, — улыбался третий.

Обычно Фарн дожидался, когда приходила его очередь раздавать, и он как бы случайно ударялся в воспоминания.

— А вы помните, как мы ездили в дальние пещеры на озёра? И как бешено клевал карась. Каждую минуту поплавок — тюк!

Произнося, Фарн словно забывал про свои карты, поднимал свой указательный палец, слегка подкидывал его вверх и затем резко клал набок, заодно положив и голову на плечо, в ту же сторону. Солн тоже клал голову на плечо, повторяя движение поплавок, и на лице Цезна появлялись первые признаки улыбки. Но всё ещё злой после проигрыша в шахматы, он подозревал, что эти двое пытаются подсмотреть его карты.

— Да, уезжали ведь рано утром и, чтобы не проспать, всю ночь играли в преферанс. С болваном, конечно, — подхватывал тему Солн, заказывая игру.

— Вист! — сразу говорил Цезн.

— Пас, — отвечал Фарн.

— Ложимся! — принимал решение Цезн, выкладывал свои карты на стол и принимался изучать карты партнёра.

Фарн откидывал на спинку стула и просто пил пиво. Когда он играл в карты, он всегда много заливал в себя пива, чтобы всегда иметь повод отойти в туалет и тем самым сломать темп игры. Цезн, в свою очередь, пил вино, поначалу очень осторожно, а Солн вообще был трезвенник. Зато щедро угощал всех. Было тайной Полишинеля, что через подставное лицо он давно владел этим баром, хотя и практически не вкладывал в него денег. В баре его волновали только официантки. Последние так и норовили присесть ему на колени. Солн был банкиром и привык окружать себя молоденькими секретаршами.

Они сыграли ещё несколько партий, периодически приговаривая что-то вроде «под игрока с семака» или «под вистующего — с тузующего», но и тут проигрывающий Цезн демонстрировал свой характер и настаивал, что надо говорить «под вистуза́ — с туза́»; партнёры ничего не имели против.

— Да, — время от времени продолжал вспоминать Фарн, — клёв на озёрах всегда был знатный. Помните, мы ещё за ужином начинали обсуждать и всё время говорили, что нельзя будет расписывать долгую пулю, потому что с утра надо будет ещё накопать червей...

Наступал момент, когда Фарн всегда волновался. С женой Цезна он познакомился ещё тогда, когда учился в аспирантуре и немного преподавал, а она поступила на первый курс. Тогда её звали Стебелёк, потому что такова была её талия. На биостанции их кафедры зоологии она смело препарировала лягушек, набивала чучела птичек, но панически боялась червей. Она всю жизнь боялась червей. Это объяснялось чем-то из её детства, но, в любом случае,

лучше было при ней не произносить этого слова вообще. Потом они долго не встречались, но однажды, по бизнесу, его свели с неким молодым Цезнем, а тот представил свою жену...

Очень странно, но и замужняя Цезн-а продолжала бояться червей. А они издевались, да. За ужином, перед ночной игрой в карты и последующей рыбалкой, кто-нибудь обязательно мог не удержаться. Кто-нибудь обязательно мог случайно ляпнуть про «пойти накопать...» и тотчас поправлялся «бубей». Но Цезн-а всё равно хваталась руками за горло, вскакивала и выбегала из-за стола.

«Накопать бубей» был тот эвфемизм, который скреплял и веселил эту троицу уже долгие годы. Никто из присутствующих в баре никогда не понимал, отчего это вдруг три старых картёжника принимались хохотать. И громче всех хохотал сам Цезн. В тот вечер вот тоже. Он пил уже много и теперь достиг того наигранно-игривого расположения духа, какие бывают лишь только у действительных тайных советников в самом расцвете сил. Официантка села ему на колени. Другая уже прочно угнездилась на коленях у Солна. Фарн извинился, что ему надо выйти.

Пока такси поднималось по серпантину наверх, он вспомнил, что как-то спросил у тайного советника: «А что, твоя супруга боится червей до сих пор?» Тот ответил «нет», и разговор больше не возобновлялся.

Цезн-а ждала его в номере гостиницы. Она не спрашивала, будет ли он кофе, а он не говорил, что сегодня она выглядит особенно восхитительно. Они просто шагнули друг другу в объятия и ещё какое-то время стояли, прежде чем лечь.

Утром Фарну позвонили сразу несколько муравьёв и со смехом рассказали, что Черн пришёл так поздно, что народ едва удержался, чтобы не выбросить его обратно.

IV

Настал понедельник, и с утренней пробежки, нагрузочной из-за выходных, Фарн-2с вернулся весь потный. Сразу прошёл в ванную, где сбросил с себя футболку и две пары шорт и голый полез под душ. Пока прохладные струи воды, омывали его красное тело, он в деталях обдумывал план предстоящего дня.

Такие планы он любил составлять именно во время пробежки и обычно на том отрезке, когда вдруг резко переходил на иноходь. Двухтактный бег, хотя и приближал муравья к человеку, врачами категорически не рекомендовался. Более полезными для центральной нервной системы считались трёхтактный галоп или четырёхтактный тёлт. Основная масса бегунов так и делала. Надев на голову наушники, они дробили ногами каждый в своём музыкальном ритме, и лишь один среди них раскачивался из стороны в сторону, как конь-иноходец.

В принципе, Фарн-2с не совершал ничего странного: каждый муравей волен чувствовать себя человеком. И чувствовал — кто во что горазд. У всех это проявлялось по-разному, но сын Фарна и Фарн-ы предпочитал бег. В иных случаях он просил считать себя атеистом. Да и в Храме всех людей он был всего один раз, ещё учась в школе, когда их водили на ознакомительную экскурсию. Чисто из любопытства полез по витой лестнице вверх и там, наверху, просто перепрыгнул с одной лестницы на другую, по которой спустился вниз, совершенно разочарованный. А когда вечером родители поинтересовались, и во сколько же это прыжков их сынок перепрыгнул через пропасть, он с гримасой ответил, примерно в шесть, благо что «шесть» у муравьёв было любимое число, и после шести могло начинаться «много».

Душ автоматически отключился. Это потому что Фарн-2с на минуту задумался и всю эту минуту стоял без движения.

— Чтоб тебя! — выругался он. Душ снова заработал.

По понедельникам он ещё и брился и, взяв электрическую машинку, встал перед зеркалом. Недельной твёрдости волоски и противно скрипели, и громко трещали, как разгрызаемые орехи, но затем порезы легко заживлялись, это когда машинка проходила по срезанным пенёкам второй раз, увлажняя кожу лосьоном.

Он не сразу увидел себя в зеркале, потому что привык бриться, закрыв глаза, лишь на ошупь. А когда открыл глаза, вдруг увидел перед собой человека. Почти человека. Таким бы он был, если бы каким-либо образом достиг более высокой касты, как минимум, уровня третьего ген-поколения. Не в пример поколению отцов, теоретически он мог это сделать.

Фарн-2с вздохнул и отключил электронную функцию зеркала. На экране сразу появилось его грубое лицо, лицо обыкновенного муравья, но самца, но гаплоида, но не трутня, как учили в школе. К счастью, в школе давали избыточные знания, и они легко забывались.

— Ты с вечера забыла выключить зеркало, — сказал он, входя на кухню, где Персона-3д уже приготовила завтрак.

— И что? — уныло ответила Персон-а-3д, ставя перед ним яичницу с беконом.

— Ты знаешь, немного даже испугала, — он пробовал пошутить.

— Если тебя уже начали пугать люди, тебе надо сходить к врачу.

Он замолчал. С его подругой по утрам вообще лучше не разговаривать. Она окончательно просыпалась только к обеду, ближе к вечеру достигала состояния ограниченной вменяемости и лишь к ночи становилась самым умным, добрым и ласковым существом на планете. Бывали случаи, когда она целую ночь сидела за его домашним компьютером, завершая расчёты, которые он не успел сделать за день, или торопясь зафиксировать те его сумбурные мысли, которые он пачками выдавал после близости, после чего мертвецки засыпал.

Они работали вместе. Она — программистом в его лаборатории, и сами поначалу не верили, что продержатся вместе больше года. Неверие их обмануло. Незаметно они привыкли

друг к другу, и, когда он утром включал на кухне телевизор, просматривая новости, она даже не поводила бровкой. Мира вокруг неё ещё не было. Как и её в этом мире.

Телевизор был старый, немодный, шестиугольный, во всю стену, он остался от прежних хозяев, и всё было хлопотно его выкинуть. Фарн-2с обычно включал только маленький фрагмент экрана, но и тот активировался неприлично большим шестиугольником. Фирма «Гексагон-К» давно уже не выпускала такие матрицы, с шестиугольными пикселями, повторяющими фасеточный глаз муравья. В моде были экраны с квадратными пикселями, что, как считалось, реальнее приближало шестиногие существа к существам с четырьмя конечностями.

Новости отдавали рутиной. Какой-то насупленный муравей, с титрами «военный эксперт», рассказывал о новых видах вооружений, которые красные муравьи могут применить против чёрных муравьёв, если и когда их дикие орды поползут к ним в воронку. Фарн-2с криво усмехнулся. Реальность существования чёрных муравьёв ещё никем не доказана, однако в арсенальных пещерах уже накоплены горы оружия. И все политики мира грозно заклиняют, сами себя, что оно никогда не будет вытащено на свет.

Этот сюжет вдруг напомнил ему о том, как пару недели назад в новостях показывали и его самого. Снимали прямо в лаборатории. В кадре долго плавал макет-демонстратор проходческого щита, потом отдельно показали и прототип ротора. Глупо-восторженный корреспондент тут же заявил, что, по его мнению, слово «ротор» происходит от слова «рот», потому что эта штука больше всего на рот и похожа. На рот крота-звёздорыла. Дальше он не удержался и скалмбурил «ротор-кротор», после чего, счастливый, рассмеялся. Но потом, правда, посерьёзnel и пафосно произнёс, что по мнению опрошенных экспертов, возможности такой системы практически безграничны. Изобретение в скором времени откроет для муравьёв окно в новый мир. Новый ослепительный мир! И тут же брякнул про идеальное оружие.

Фарн-2с мог поклясться, что никакого повода так шутить журналисту он не давал. Напротив, он несколько раз настойчиво повторил, что потребуются ещё годы и годы, чтобы добиться свехуплотнения грунта даже в лабораторных условиях. И ещё он сказал, что в своей диссертации описал только принцип действия и предложил механизм исполнения. А идея вообще принадлежит не ему, потому что основы теории разработал совсем другой муравей. К сожалению, тот был фантаст и никто его серьёзно не воспринимал.

После завтрака они быстро собрались и сели в машину. Надо было поторопиться. Утренние пробки теперь начинались уже в самом низу, и подниматься по серпантину наверх с каждым годом становилось всё дольше. Но это ничего, успокаивал себя Фарн. Когда их лаборатория продемонстрирует первый миллиграмм свехуплотнённого грунта, они передут жить выше. Возможно, он даже получит первое расширение имени и станет Фароном и начнёт новый род. Тогда они смогут пожениться.

Персон-а-3д дремала на пассажирском сиденье и сквозь сон слышала, как её друг разговаривал с отцом по телефону. Потом он перекинулся парой слов с сестрой, затем долго отбивался от матери, которая всё никак не давала возможности отключиться. Но им вчетвером было хорошо. У них есть семья, и есть чем занять себя в пробках. Она пошевелилась и села по-другому, чтобы снять напряжение в теле.

Муравьям разных каст запрещено вступать в брак, однако они могут иметь детей и вместе их воспитывать. А поскольку ребёнок автоматически приписывается к касте матери, для Персон-ы-3д все вопросы заранее сняты. Она снова пошевелилась. Напряжение не ушло. Возможно, это судьба. Её отец тоже сам пробивался из низшей касты наверх. А сейчас он уже подполковник, важный чин в ТСС. Мать, правда, говорила, что отец, возможно, был сыном некого Персеона из Верховного суда, якобы в молодости большого хулигана. Но какое это имеет значение?

Она снова переменяла положение тела. В последнее время это странное напряжение уже просто преследовало её. Так она называла то тягучее и изматывающее беспокойство, кото-

рое охватывало её раз в месяц. Сначала внутри её словно происходили какие-то химические процессы, затем всем кишкам словно становилось тесно в хитиновой оболочке, и они хотели вырваться наружу. Она тревожилась, ходила к врачам, но те говорили обычные прописные истины, мол, надо меньше работать, больше отдыхать, правильное питаться и чётче следовать биологическим ритмам. Ей мерили пульс, проверяли давление, отправляли сдавать анализы и прописывали оздоровительные процедуры.

Какие-то болезни у неё всё-таки нашли. В кабине врача-офтальмолога нашли несколько «перегоревших» фасеток, дерматолог покачал головой над белёсым пятном у сгиба её правой руки, а дантист пожелал ей исправить прикус. Но уж тут она резко не согласилась: у одной из её подруг прикус после операции получился как-то сильно набок.

Дольше всего она засиживалась у врача-гинеколога — тот не её отпускал сам. Он был маленький, разговорчивый, весь какой-то потный и словно всё время крайне неудовлетворённый. Ей даже подумалось, что он однажды решил, что вот станет гинекологом и удовлетворится, но нет. Все стены в его кабинете были завешены плакатами, в основном так и эдак повторявшими одну и ту же тему. Тему метаморфоза. Но всё это Персон-а-3д хорошо помнила ещё со школы. Вдавливали там сильно. Муравьям при рождении суждено перевоплощаться по несколько раз. Сначала из яйца они превращаются в личинку, потом из личинки в куколку и лишь затем уже во взрослую особь, которая называется имаго. Персон-а-3д даже смутно помнила тот момент, когда она этим имаго становилась. Многие муравьи этого не помнят совсем, но она что-то помнила. Всё её тело, все её члены и все органы словно собирали по частям, стыковали, перестыковали и снова соединяли. А потом она испытала напряжение, примерно такое же, вот как сейчас. Но сейчас это ощущалось по-другому, всё же несколько по-другому. Как будто после имаго ей уготовлено что-то ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.